

Зеркало с некоторых пор стало олицетворением действительности. Каждый день, заглядывая туда, вижу кого-то еще. У него, того человека, те же черты лица, что и у меня: тот же прямой и чуть заостренный нос, те же выпирающие скулы и усталые глаза, будто он видел много. На самом деле видел не больше, чем я. Ещё в запасе у него те же одежда, ботинки, волосы, манера речи, но он отчего-то изо дня в день меняется, а я остаюсь там, где был, неподвижной статуей.

Мы с ним раздражаемся одинаково. Нас легко вывести из состояния полного душевного равновесия. Не хочу сказать, что меня способна возмутить любая мелочь, но если я попадаю в среду полностью противоположную той, где живу, то меня (и его, несомненно, тоже) тотчас начинает выводить из себя любой звук.

А люди! Ужасные создания, не умолкающие ни на секунду. Я давно уже держусь в стороне от них. Это не вызвано моей неприязнью или предрассудком, но... Поймите. Признаться честно, теперь я думаю, что, быть может, в этом всё дело. Никогда мне не удавалось найти с людьми общий язык, никогда я не знал понятия «общее дело». Что есть «общее дело»? Разве люди, друг другу помогающие, не есть самые гнусные лицемеры, каких видел этот мир? Имею в виду, опять же, только тех, кто объединен «общим делом». Я в этот круг никогда не входил и вряд ли когда-то войду. Мне нравится работать на себя, нравится быть в одиночестве, пока тоска не одолевает меня. Наверное, я много притворяюсь деятельным человеком, на деле – по-прежнему изваяние.

Но он другой! Этот человек в зеркале, смотрящий на меня устало, чуть грустно, он другой! Ему приятно общество людей, он даже прилагает все усилия, какие может, лишь бы они приняли его. Только он заранее обречен на провал. Не помогают ни смена костюмов, ни строжайший самоконтроль, ни чужие советы... Я вижу, как он меняется, злится и что у него не получается. Всё из рук валится у этого человека. В глазах играет едва уловимый азартный огонек, но в основном он весь состоит из тоски и печали. В чем дело, он и сам толком не знает. Как поменять ему себя, если это укоренилось в нём против собственной воли? Как извести заразу, не изведя при этом себя?

Он сам себе зараза, поэтому покупает новый костюм и пальто.

Вновь идёт в люди, сдерживает свои привычки, хотя человеком манерным никогда не был. Уши его вместе с тем как назло улавливают малейший звук, и каждый хохот слышится ему, будто это над ним смеются!

О, он никогда еще не испытывал такого отворачивания к себе, поэтому он выбрасывает совсем новый костюм и пальто, становится напротив меня и, устало глядя, вопрошает:

«Что же не так здесь, в этом лице? Никогда оно не было некрасивым, непримечательным уж точно, но сам я будто соткан из противоречий. В чём дело? В моей сущности? Ведь я старался изменить себя! И слушал тех, кого в ином случае не послушал бы никогда! В них ли дело? Во мне?.. Ох, как же сложно».

Я не люблю тему зеркал. Когда они есть вокруг меня – одно дело. А когда я начинаю упоминать их где-то, то они сразу становятся чем-то зловещим, тёмным. Но одно я знаю точно: он тоже их очень не любит. Человек тот не суеверен (а человек ли?), но что-то в них видит, что вижу я, и в этом мы схожи.

Раньше ему нравилось играть в шахматы. А затем он вырос и понял, что игра эта парная и в ней непременно нужен противник. Если его нет – игра не удастся. И когда он узнал об этом, то, думается мне, что-то внутри него лишний раз вздрогнуло, издохло... Он проплакал весь вечер и наутро выбросил шахматы. Парные или командные игры по-прежнему забавляли его, увлекали в свой особенный мир, но дотронуться до него он не мог.

Он снова предстал передо мной, как предстает обвиненный перед судьей, так что я тоже невольно подумал:

«И правда, отчего он так несчастен? У него имеется и незаурядная внешность, и таланты, и острый ум, но при этом человек он крайне скромный, как будто испуганный собственным душевным несчастьем...»

Он тяжело вздохнул и сел. Мне было хорошо видно, что слёзы он постоянно прячет за полной теплоты улыбкой и общительностью. Кажется, он выплакал уже целое море слёз. Тайно, разумеется. Никто никогда не видел его плачущим, однако все как будто чувствовали его несчастье и сторонились, сторонились...

Он сам себя боялся! Подолгу стоял у зеркала, разговаривал со своим отражением, махал руками, кричал и снова сокрушался. Откуда ждал он ответа, мне было не ясно, но руки у него дрожали, движения в это время становились резкими и даже немного неотёсанными. Но по-прежнему лицо его освещала тёплая улыбка, и всё так же устало глядел он вокруг.

«Что же так тревожит тебя? В чем причина того, что ты так смотришь? Или ты из тех, кто уже родился с таким взглядом? В таком случае я соболезную тебе, приятель...»

Он стал носить очки. Стекла, кажется, прятали странность его взгляда, но слух между тем продолжали резать чужие восклицания. Его лицо очки делали смешным, карикатурным. Но он упорно продолжал их носить и делал вид, что смеются над кем-то другим. Ведь в мире помимо него ещё так много людей! Почему именно он должен быть объектом насмешек, если рядом идут люди с мрачными, кислыми лицами. И это выражение застыло во всей их сущности, вызывая у остальных только приступ тошноты. Ему не хотелось выходить из своего жилища. Взгляды, пронизанные одним только укором, прожигали дыру в раненом сердце.

Тогда он стал много времени уделять мне. Разговаривая обо всем, размахивая при этом руками в воздухе, он выглядел счастливее, хотя никого по-прежнему в своей жизни не знал. Иногда к нему вновь подкрадывалась тоска, и он

умолкал, глядел в пространство перед собой. Затем вдруг оживал и с новой силой, с большим азартом начинал свой рассказ...

«И почему только такой несчастный, притворяясь счастливым, выглядит лучше тех, кто действительно счастлив?» – думал я.